ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Песни казахов о Сталине

С ИМЕНЕМ СТАЛИНА!

Мы — зрячие — раньше были слепы,
Живые — мы были тени,
Но дал нам в руки знамя борьбы
Бессмертный, как солнце, Ленин!
Сталин его дорогой ведет,
Великий, он виден высоко,
Выше горных синих высот,
Дальше звезды далекой.
Радость цветет на зеленой земле,
Ветер в широкой степи поет,
Пусть много, много бессмертных лет
Сталин любимый живет!
Он жизнь дал, он счастье принес,
Какого люди не знали доныне,
И слово труда и обилья — колхоз
Журчит, как ручей в пустыне.
Бельшутся степи родные мои,
Необозримы пасутся стада,
Все это мое, мое навсегда —
Реки, поля, города.
Идут сквозь просторы мои поезда
С золотом хлеба, с рудой;
Мы с именем Сталина на устах
Ночью и днем на постах.
Наши аулы и кишлаки
Встанут железной стеной,
Если на нас нападут враги, —
С именем Сталина — в бой!
Радость цветет на зеленой земле,
Ветер в широкой степи поет,
Пусть много, много цветущих лет
Сталин любимый живет!

Шансия АШАЕВА,
работница станции Кзыл-Орда.

РОДНОЙ ЧЕЛОВЕК

Звени, домра, звени,
Пой от всей души,
Славит счастливые дни
Свободный певец — жирши!*)
Птицей песня взлетает моя,
Соловьем моя песня поет,
Широка и цветуща земля,
На которой жирши живет.
Светят ночью звезды Кремля,
Озаряют солнечный век.
Кто дал юность тебе, земля?
Кто дал счастье тебе, человек?
Самый близкий, родной человек
Счастье в каждое сердце принес,
Осушил море наших слез —
Самый близкий, родной человек.
Цвети же, ковыльная степь моя,
Пой, домра певучая, пой!
Сталин — это радость моя,
Сталин — это жизнь моя,
Сталин — вождь дорогой!
Морем ли еду я,
Степью ли еду я,
Везде он со мной,
Как радость моя,
Сталин — вождь дорогой!
Я играю на домре, пою,
Песни и жизнь любя,
Я играю на домре, пою,
Я славлю, Сталин, тебя!

Певец-импровизатор
Кали НУРПИСОВ.
Перевел с казахского
Александр ВОЗНЯК.

*) Жирши — народный певец.

Пушкин и декабристы

В 1824 году царь Александр I сослал А. С. Пушкина в имение отца поэта, в село Михайловское под наблюдение двух властей: светской и духовной. Друзья поэта, узнав об этом, не на шутку забеспокоились. Многие решили, что вольнолюбивый, беспокойный и общительный Пушкин не вынесет деревенской глуши и погибнет. Некоторые горячо ратовали за то, чтобы поэт убежал за границу. Но побегу не суждено было свершиться. В Михайловском Пушкин много писал, часто встречался с народом, изучал его язык.

Неизвестно, долго ли продолжалось бы заточение поэта, если в конце 1825 года не разыгрались бы события большого политического значения. В декабре тайные общества революционных дворян, воспользовавшихся смертью императора Александра I, подняли восстание в Петербурге и на юге России около Киева. Царские войска разгромили революционные полки. Цвет русской дворянской молодежи был сослан на каторгу в Сибирь и на Кавказ солдатами в действующую армию. Пять главных руководителей обоих обществ 13 июля 1826 г. были повешены.

Пушкин своему другу Вяземскому писал:

«Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна». Подавленное настроение, охватившее общество, очень ярко высказал и Вяземский: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена: мне в ней душно, нестерпимо!»

Со многими декабристами Пушкин был связан узами самой тесной дружбы. Правда, он не состоял членом тайной организации. Но он рос и формировался, впитывая идеи и настроения декабристов. «Хоть Пушкин и не принадлежал к заговору, — писал Вяземский, — который приятели таили от него, но он жил и расхаживался в этой жгучей и вулканической атмосфере». Он вместе с ними разделял ненависть и отношение к крепостному праву. Он ненавидел невежественный бюрократический государственный аппарат и главу его — живого и лицемерного императора Александра. Пушкинские эпиграммы и вольнолюбивые стихотворения заучивались наизусть и распространялись в списках в сотнях экземпляров во всем уголкам России. И когда члены тайных обществ были арестованы, то у всех нашли рукописные стихи поэта.

Пушкин делал попытку вступить в тайное общество, о существовании которого он догадывался. Он знал, что в нем состояли его лучшие друзья и товарищи. Во время ссылки на юг России — Кишинев, Одессу, Крым — поэт сумел побывать в центре Южного тайного общества — в Каменке (под Киевом). Он был в восторге от людей, с которыми встретился («разнообразная и веселая смесь умов оригинальных, людей известных в нашей России, любопытных для незнакомого наблюдателя», — писал поэт к Гнедичу).

Здесь, в Каменке, Пушкин пережил одно из наиболее сильных потрясений его молодости. Декабрист Якушкин рассказал в своих записках, что перед Пушкиным была разыграна комедия заседания тайного общества. Обсуждали вопрос, нужно или не нужно для России тайное общество. Многие говорили за, другие — против. Наконец, Якушкин, смеясь, заявил, что никакого общества не существует. Как шутке, смеялись и остальные члены. Но Пушкина это взволновало: «Он перед этим уверился, что Тайное общество или существует, или тут же получит свое начало, и он будет его членом; но когда он увидел, что из этого вышла только шутка, он встал, раскрасневшись, и сказал со слезой на глазах: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженную и высокую цель перед собою, и все это была только злая шутка». В эту минуту он был точно прекрасен».

В последующие годы он с горечью вспоминал этот случай. При встрече с декабристом Пущиным поэт говорил: «Верно, я этого доверия не стою». Однако, дело было не в доверии к Пушкину. Члены общества, по-видимому, опасались, что крамольный поэт, за которым почти всю жизнь был гласный и негласный полицейский надзор, мог незаметно для себя навести шпионов на след. И почти все декабристы, оставившие записки, вспоминали, что хорошо сделали, не допустив Пушкина к участию в заговоре.

Перед декабрьским восстанием Пушкин получил в Михайловском письмо от Пущина, в котором он предлагал поэту встретиться тайно в Петербурге. Пушкин мгновенно решил, что, несмотря на строгое запрещение не выезжать из имения никуда, особенно в столицы, все-таки поедет. Он велел готовить возок для дальнего путешествия. Смешная случайность задержала его, и вскоре он узнал о декабрьской трагедии.

Он ждал, что и его привлекут к следствию. Но новый царь Николай I медлил. И только осенью 1826 года в Псков к губернатору прискакал нарочный от начальника главного штаба барона Дибича с требованием немедленно выехать Пушкину в Москву по вызову царя. Эта спешка не оставила никакого сомнения у Пушкина, что его повезут в Сибирь. Он хотел было сжечь последнее стихотворение «Пророк», в котором он как бы предвосхищал восстание, но решил, что вручит его императору после приговора.

В Москве Пушкину не дали даже переодеться с дороги и повезли во дворец к царю.

О первой встрече поэта декабристов с царем сохранилось много рассказов. Сам Пушкин так рассказывал о ней: «Здравствуй, Пушкин, доволен ли ты своим возвращением?» Я отвечал как следовало... Государь долго говорил со мной, потом спросил: «Пушкин, принял ли бы ты участие в 14 декабре, если б был в Петербурге?» — «**Непременно, государь, все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем**».

Не лишено интереса замечание одного жандармского чиновника. Он не без возмущения рассказывал, как поэт непринужденно держал себя с царем. Сначала Пушкин стоял, а потом «прислонился к столу», который был позади его, и почти сел на этот стол». Государь быстро отвернулся от Пушкина и потом говорил:

«С поэтом нельзя быть милостивым!»

После разгрома тайных обществ у Пушкина начинается кризис во взглядах на судьбы русского народа. До декабря 1825 года была надежда, что существующие в подполье светлые силы способны преобразовать социальное устройство страны. Гонимый поэт, чувствовал везде признаки этой светлой веры.

Кто же теперь возьмется за преобразование страны на более разумных началах? Где эта сила? И как только задумывался поэт, то его взор обращался к Сибири, где «в глубине сибирских руд» хранят гордое терпение «и дум высокое стремленье» его друзья и товарищи.

Пушкин пробует обратиться к новому царю «в надежде славы и добра». Но скоро убеждается, что наступила пора беспросветного царствования и ждать добра от Николая I нельзя. Чувство одиночества с годами растет. Милости царя больше походили на издевательства. Пушкин бродит по Петербургу, как вечная тень для правительства и придворной знати тень декабризма. Его травят, сживают со света. Если декабристы либо умерли на виселице, либо изнывали в рудниках Сибири, то поэта декабристов травили подлой ложью и клеветой. Но Пушкин несмотря на одиночество верил, что с русского народа, как и с декабристов, «оковы тяжкие падут».

Великий поэт чувствовал, что история докажется, что народ сумеет обрести истинно человеческое существование. И свою заслугу он видит в том, «что в мой жестокий век восславил я свободу». Пушкин гордо через всю свою жизнь пронес знамя свободы и сохранил горячую симпатию к тем, кто 14 декабря 1825 года выстрелами на Сенатской площади помог разбудить русский народ.

В. ВСЕВОЛОДОВ.

Ленинградский скульптор Елена Янсон-Манизер закончила несколько скульптурных работ, изображающих главных персонажей поэмы «Бахчисарайский фонтан» А. С. Пушкина.

Фото Хайкина (Союзфото).

Пушкин в Бердах. Рис. ПРОХОРОВА.

★ ★ ★ ★ ★

Иван Бортников
Помощник машиниста депо Челкар.

Песня моего друга

Холмы да мосты. Наш профиль крут.
Давайте, товарищи, песню споем,
Как работа движется, как люди растут,
Как транспорт родной идет на под'ем!

Треск аммонала.
Стройка, каналы...
Разъездной резине
Каждый выдох!
Доблестней, бдительней
Тверже, водители.
Зорче, водители поездов!
За перегоном перегон.
Желтый перрон, красный вагон.
Едем с нагоном, с гулом свистка
По перегонам — на большака!
Ночью глубокой просторы спят,
Но кипит работа в стране родной,
И не спит бригада и ясен взгляд,
Рокочет отсечка в трубе дымовой.
Втулка не грейся!
Мчитесь по рельсам —
Молодость, выдержка и расчет,
Точность рабочая,
Воля рабочая, сила рабочая
Все вперед!
Буря ли неистово бьется в окне,
Звезда ли лукаво моргнет с высот,
Жара ли кипучая, все равно —
Машина паркует, машина ведет!
Запахи дыма проносятся мимо.
Кустики, Мостики, Чернозем,
Грузы республике, вести республике,
Счастье республике мы везем!
Холмы да мосты. Наш профиль крут.
Давайте, товарищи, песню споем,
Как поезд движется, как люди растут,
Как транспорт родной идет на под'ем!

ИЗ ПРОШЛОГО

К истории дома, где был А. С. Пушкин

В приказе оренбургского губернатора князя Волконского от 23 июля 1812 года войсковой канцелярией предписано: «Назначить трех отставных казаков для окараулирования дома, пожертвованного войсками первой гильдии купцом и именитым гражданином Зыбиным в пользу заводимого в г. Оренбурге Неплюевского училища. Дом деревянный, со службами, против церкви — живоначальные троицы, принят в ведомство оренбургской пограничной комиссии».

Этот дом и был впоследствии занят под Неплюевский кадетский корпус.

В этом же доме жил директор кадетского корпуса Артюхов, к которому в 1833 году заезжал А. С. Пушкин.

Дом этот сгорел в пожар 1879 года, а на его месте выстроено было здание женской гимназии. Сейчас там — Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа.

(«Историко-статистические описания оренбургского казачьего войска». Издание 1905 г.)

„ЗЛАЯ ПАРОДИЯ“

Автор большой статьи о Пушкине, напечатанной 18 ноября в «Орском рабочем», считает поэму «Руслан и Людмила» «злой пародией на распространенные в то время былины о героях, которым авторы аристократы (!) приписывали самые благородные, самые возвышенные черты. Традиционная героика в произведениях Пушкина снижена»...

Короче, А. С. Пушкин якобы более ста лет тому назад держался точки зрения фальсификатора русской истории Демьяна Бедного, представившего в пьесе «Богатыри» былинных героев... пьяницами и трусами.

Это не только невежество автора статьи. Это — клевета на Пушкина. Пушкин с огромным уважением относился к героям народного эпоса. Он восторгался народным словесным творчеством и уж во всяком случае отлично знал, не в пример орскому «пушкиноведу», что былины есть плод не аристократического, а народного творчества.

„ОТЕЦ БОЛДИН“

Читатель подумает:

— Кто он такой, этот отец Болдин?

Догадаться трудно, если бы руководители ак-булакского дома культуры не пришли на помощь недоумению. Они выпустили накануне пушкинского юбилея небольшую листовку, озаглавленную «Основные даты жизни и творчества А. С. Пушкина». Почин хороший. Но из листовки мы узнаем, что «осень 1830 года А. С. Пушкин провел в имении отца Болдина». Значит, «отец Болдин» — это на языке ак-булакских культурников означает село Болдино, принадлежащее отцу поэта.

Но этой загадки мало. Оказывается у поэта был друг Нихельбекер, а не Кюхельбекер, как известно из истории. Затем добрые люди решили не ограничиться невежественным искажением фамилий и названий сел. Они подарили Пушкину два новых произведения, которых он никогда не писал. Одно называется «Моцарт», а другое «Сальери». Пушкин, как известно, написал «Моцарт и Сальери».

Наконец, критика Кирпотина переделана в «Капнотина», повесть — в «поэвсть», произведение — в «произвление», и так далее. Словом не листовка о Пушкине, а свидетельство о невежестве и безграмотности, которое выдали себе деятели ак-булакского дома культуры.

„ОТМЕРЛА КАТЕГОРИЯ“

Редактор абдулинской газеты В. Швалев напечатал огромное стихотворение «Двадцатый век», изобилующее вредными и путаными заявлениями и образами. Например «Девятнадцатый век шел скрипя исторически», а двадцатый век — это прикованный к скале Прометей, который вдруг закричал королям:

— Все равно не излечишь больного историей!

После этого дикого, но непонятного крика абдулинского Прометея поэт сообщает королям:

— Ваша кончена жизнь, отмерла категория...

Редактор, стоя на страже интересов своего читателя, делает около слова «категория» сноску и сообщает в ней:

«Категория — подразумевается исторически сложившаяся категория класса капиталистов»...

Итак эта «категория отмерла», а как же быть, товарищи из Абдулино, с капиталистами, господствующими пока на пяти шестых частей суши?

РЖАВЧИНА

◆◆

После вчерашней стрельбы Сережке не спалось. Отец говорил, что город заняли белые. Любопытно, как они выглядят? Может погоны на плечах и не золотые и не серебряные, а так просто какая-нибудь дрянь нацеплена? Сережка смотрит из окна на улицу. Нет, никого не видно. Одни мужики да бабы на базар идут. А делов много. Ох, делов много! Надо заглянуть в стеклянную банку, не с'ел ли щученок ерша. Щученок-то большой, а ерш маленький. Вчера Мишка обоих в тине сгреб. Как вырастет щученок в щуку, так его на сковородку. А ерш пусть себе растет для интереса. Какой с него толк? Главное, воду чаще менять. Вода для них вроде воздух для человека. Сережка меняет воду, крошит рыбешкам отварную картошку. «Ничего, — успокаивает он себя, — отец достанет хлеба, а пока и с картошки сыты будете». Пришла с базара мать. Сережка бегом к корзинке. Верно, там вкусные вещи есть?

— Ну-у, — недовольно машет рукой, — опять картошка. Хотя бы морковочки принесла. С чего это мать невеселая сегодня? Верно деньги потеряла? Нет, не то. Она аккуратная. Мать нагнулась к отцу и о чем-то серьезно начала говорить. Надо подслушать, наверное интересное. Иначе бы она не шептала так.

— Бакие мерзавцы, прямо на базаре повесили, — сокрушаюсь говорит она.

— Кого же это повесили? — долго размышляет Сережка. Дело непонятное. Надо за Мишкой бежать. Дверь большая, скрипучая. Главное к ней приноровиться надо. Ежели ты не знаешь как тянуть, она тебе скрипу наделает. Мамка услышит и никуда не пустит. Сережка тихохонько на цыпочках к двери. Открыл и удрал. Только его и видели. Мишка рядом живет. Всего два забора перелезть. Хотя тетенька и ругается, когда через ее сад перебегают. Прутьями пообещала отстегать. Да кто ж ее боится, буржуйку эдакую? Хорошо Мишке живется. Отец — слесарь. Днем на работе, мать то обед готовит, то в стирку к людям уйдет. Гуляй сколько хочешь. Прибежал Сережка, запыхался, а Мишка ходит себе по двору с рогаткой в руках, да воробьев на помойке камешками постегивает.

Немножко потолковали, потолкались и ну рысцой прямехонько на базар к самому телеграфному столбу. Народищу около него — не пересчитаешь. Висит какой-то дяденька с бородкой. Не старый, не молодой. В кальсонах одних. Лицо будто синькой намазано и рот раскрыл, а изо рта большущий язычище торчит. Толстая веревка петлей на шею накинута. Другой конец за крюк привязан, на который провода цепляются. Тут и девки, и парни, и мужики глазеют. А чего глазеть? Вот бесстыжие. Живого человека на крюк вздернули, ой и больно было ему! А почему эта жирная тетка с гусем в корзине смеется? Протискались ближе. Рядом бритый дядя зубами скрипит, словно жевать собирается. И кулачище сжимает.

— Ничего, Федор. Мы их самих скоро в ногтю прижмем, — сказал он другому дяде, поменьше ростом.

— Куда вы, щенята. Марш домой! Куда лезете? Вот отдеру за уши, — говорит пожилая женщина, выталкивая из толпы ребят. Ребята струхнули маленько и побежали прямо на речку. Хорошая вода на речке. Теплая. Побултыхались, понырялись у бережка. Мишка под камешком соменка поймал. Соменок маленький, а голова и рыльце больше. Куда деть соменка? До дома далеко, без банки наверняка издохнет. И порешили опять в воду под камень пустить. Придут завтра с банкой, тогда и заберут. Однако, пора и на ту сторону перебираться. На переправе Иван Семенович сидит. У него лодка большая. Больше десяти человек вмещает. Он перевозит и деньги не спросит. Зато как пойдет Семеныч на ночь рыбу ловить, тут ему и червей ребята накопают, и разных жуков, мошек, — только лови. Несброста перебрались на ту сторону. Недалеко от города поле есть. А в поле казарма стоит, старенькая, сгоревшая. В прошлом году кавалерийский полк в ней стоял. Около казармы навоз и мусор всякий лежит. Если покопаться в мусоре, — патроны найдешь. А патроны нужны ребятам. Очень нужны! Вот, к примеру, костер в поле за городом разведут, побросают туда патроны, а сами из-за бугорка смотрят, как от взрывов угольки и поленья в воздух летят. А еще нужны патроны для настоящего ружья. Отступали как-то белые. На утро винтовка в саду валяется. Думали, думали и порешили в заброшенный подвал ее отнести. Пусть лежит, пригодится.

Многое ребятам нужно: и динамит, и всякие взрывчатые вещества. Одни из них от удара взрываются, а другие горят интересно. Долго рылись мальчонки в мусорных кучах. Аж есть нестерпимо захотелось. Сережке удалось найти целую обойму патронов. Паренек не выдержал и как гаркнет от радости:

— Вот заложу я патроны в винтовку, — и показал руками как он будет закладывать ее.

— Да ты постой, постой, — очень серьезно остановил его Мишка. — А если услышит кто? Отец говорил, что приказ такой есть — оружие сдавать.

Пора и домой. Подойдя к двери, Сережка приложил ухо. Не ругается ли отец на него? Нет, не ругается. Отец работал. Подметки кому-то подбивал. Под ногами у него колодки, обрезки кожи валяются, из деревянной кадушки пахло моченой кожей. Не прошло и часа как в распахнувшуюся настежь дверь показался Мишка. Весь красный и с сильно вспотевшим лбом.

— Тетенька, тетенька, — еле переводит слова Мишка, — на нашем углу вешать будут. Сам атаман Булак-Балахович на белом коне сидит.

Мать только хотела приказать ребятам никуда не ходить.

— А они окаянные как кинутся, — рассказывала она потом отцу, — Точно их кипятком обдало. — И никакие слова и угрозы, пущенные вдогонку, не могли остановить ребят.

Правду говорил Мишка. Вот и народ стоит, и солдаты, и телеграфный столб. Большущий, железный, весь в перекладинах.

— Кони-то, кони ваши! — восторгается Сережка. — И хвостами машут, а на конях сидят офицеры. В погонах, нарядные. А что едят они? — размышляет Сережка. — Поди хлеб белый каждый день кушают.

— Ух-у гадюки, — шипит Мишка, толкая локтем своего приятеля. — Опять, черти, вешать будут? — Вспомнил утро, отца, как он кулаком по столу бил. Посуда тряслась. Больно не любит белых отец. Мамка, так та испугалась — и в слезы. А батя обнял ее и говорит: «Ничего, мать, немного потерпим еще. Скоро эту ржавчину кислотой протравим. Нас не собьют».

— Никак дядя Михеич у столба стоит? Ну, конечно, он. Сережке жаль дядю Михеича. Он хорошо удочки делает и замечательно леску из конского волоса вьет. Он добрый. А за что попал к ним? Недоумевают ребята. С ним еще трое. Разутые, в нижнем белье и все смотрят перед собой. И так смотрят — будто ничего и не видят. Возле них низенький офицер возится. Где-то достал длинную веревку и режет ее на куски. Рядом стоит самая обыкновенная белая табуретка. На что им табуретка? — соображают ребятишки. Вот и Прасковья Васильевна, жена дяди Михеича, стоит. Плачет, утирая слезы уголком клетчатой косынки. Спросить бы у ней, за что дядя Михеич попался.

Народу все больше прибывает. Совсем ребят оттеснили. Не разобрать, что говорит Булак-Балахович. У кого есть крест — пообещал пустить.

— Хитрый какой, — недовольно сказал Сережка. У одного крест нашелся. Это был пожилой дядя с черной бородой. Он расстегнул ворот нижней рубахи, взял в руки медный потемневший крестик и показал его атаману. Его отпустили. Он молча оделся, не побежал, а пятился назад, раздвигая цепочку солдат. Боялся пули, не верилось, что свободен.

Первого стали вешать Михеича. Прасковья Васильевна что-то крикнула. К ней подбежали солдаты. Ей сделалось худо. Она тяжело упала на каменную мостовую. Ее подняли и отнесли в под'езд ближайшего дома. Офицер толкнул Михеича в спину.

— Залезай на табуретку. — И Михеич полез, как ребенок, беспомощно цепляясь за железный столб. Офицер спокойно одел ему петлю на шею. Другой конец укрепил на перекладине железного столба. Михеич все с тем же неестественным спокойствием смотрел на толпу. Хотел что-то сказать. Офицер не дал. Он резко одной рукой выхватил из-под ног табуретку. Тело беспомощно повисло на шее. Потом взял повешенного выше колен, приподнял кверху и два раза с силой дернул вниз. Тело Михеича несколько раз вздрогнуло в судорогах, посинело и стихло.

Страшно стало ребятам, жутко, очень жутко. Вспомнил Михеич. Мишка шепчет Сережке на ухо:

— Перестрелять их, собак, надо. Перенести бы винтовку на чердак, что над столбом. Будут завтра вешать, а мы и подстрелим Балаховича. Сами убежим. На нас не подумают.

Сережка на все согласен. На этом и договорились. Непременно перенесут винтовку!

Второго стали вешать молодого безусого парня. Он сопротивлялся. Тогда его два солдата по приказанию офицера били прикладами, насильно одели петлю и повесили. Многие не могли смотреть.

Третьего повесили здорового детину с толстой шеей, со связанными назад руками. Его три солдата, как куклу, приподняли на табуретку, а он все кричал «да здравствует революция». Видно было, что не боялся смерти.

Рыжий солдат подал офицеру три фанерных дощечки. Офицер на всех написал печатными буквами толстым синим карандашом и прикрепил их к кальсонам повешенных. Михеичу было написано «за дезертирство». Молодому рабочему — «за шпионаж», а толстому детине — «коммунист». Так первый раз видели ребята, как кончается человеческая жизнь.

Сережка поздно пришел домой. Ходили на речку. Отец почему-то не ругался. Но был очень зол. Назавтра дело большое. Надо пораньше лечь спать, думает Сережка. И, конечно, быстро уснул. Снилось ему синие лица с опухшими языками, толстый детина страшно смотрел через стекло в его комнату. Еще видел Сережка, как Мишка выстрелил с чердака в Балаховича и попал. Потом закружился и выстрелил. Винтовка на куски разлетелась. А Балахович с коня упал. Подполз на мостовую. Мишка пошел. Вотав, вынул из кармана кусок мела и тут же на стене написал: «Застрелил за дядю Михеича. 1919 год. Твой Псков. Миша Головин».

Старший лейтенант
Н. ИОГАНСОН.